Светлана Тамбовцева

Каббалистическая герменевтика и утопическая компаративистика ВсеЯСветной Грамоты

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-69-101

Svetlana Tambovtseva

VseiaSvetnaia Gramota: Kabbalistic Hermeneutics and Utopian Comparative Studies

Svetlana Tambovtseva — Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences; European University at Saint Petersburg (Russia). stambovtseva@eu.spb.ru

Post-Soviet cultural landscape is characterized by considerable popularity of nationalistic ideas and narratives applying conspiratorial explanatory models and suggesting various versions of "alternative history", which are framed, in particular, within amateur concepts of language — a sort of cryptolinguistics. This discourse is illustrated here with the case of the so-called "Vseiasviatnaia gramota" ("Worldwide Writing"), a teaching, according to which an esoteric Slavic alphabet "encodes" the entire universe. The doctrine's discursive design and interpretative patterns give us an opportunity to track the connections between Western esotericism, history of philology, and nationalism.

Keywords: Vseiasvetnaia Gramota, Book of Vles, cryptolinguistics, Arian myth, conspiracy theories, alphabet mysticism.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-509-12017 ННИО_а («Новые формы религиозной культуры в позднем СССР и постсоветской России: идеология, формы социальной организации, дискурсы»). Автор выражает благодарность за помощь в работе над статьей Евгению Файвужинскому, Александру Панченко, а также организаторам и участникам летней школы «Пересборка социальной антропологии в России: история, социология, этнография» (Тюмень, 5–11 августа 2019 г.).

Введение. Этимологическая версия «плана Даллеса»

21 марта 2018 года в «Литературной газете» была опубликована статья под названием «Мина замедленного действия, заложенная Максом Фасмером, или на каком языке мы говорим». По мнению автора этого текста, журналиста Владислава Писанова из Челябинска, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера представляет собой «идеологическую диверсию, гуманитарную бомбу, осколки которой долетели до наших дней и укоренились в сердце российского языкознания», поскольку он призван доказать, что «русская речь произошла из огромного ряда заимствований», а «русского языка как бы не было, пока не понабрали слов из других языков». Немецкий исследователь, согласно сюжету, изложенному в статье, действовал в соответствии с проектом «лингво-политической фрагментации русской империи» (предполагающим, в частности, «создание искусственной украинской лексики»), предложенным членом «мистического общества Аненербе» и лингвистом Георгом Шмидт-Рором. С этой целью, используя в качестве информантов узников концлагерей, Макс Фасмер якобы собирал материал для словаря. При прочтении статьи становится понятно, что автор смешивает диахронию и синхронию, индоевропейские соответствия и прямые заимствования и читает этимологический словарь как словарь иностранных слов, всякий раз делая выводы в «этнолингвистическом» духе:

> Взять хоть ту же нашу, воспетую мамами и поэтами, березку. Если заглянуть в основополагающий для российской науки «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, то выясняется, что русские не знали, как назвать это дерево, пока им не «подсказали»: от др.-инд. Bhūrjas, а также от алб. Bardh «белый», гот. Baírhts «светлый, блестящий». В Индии нет берез? Ну и что? Они ведь белые![1]

Статья заканчивается выпадом в сторону официальной лингвистики, в особенности «академиков, получивших свои степени на компаративистике». Таким образом, составляющие сюжета

1. *Писанов В.* «Мина, заложенная Максом Фасмером» // Литературная газета. 2018. № 12 (6636). 12.03.2018 [электронная версия — http://www.lgz.ru/article/-12-6636-21-03-2018/mina-zalozhennaya-maksom-fasmerom/, доступ от 10.01.2019].

о заговоре довольно в данном случае довольно узнаваемы: здесь и фашистская мистическая организация, и предатели русской культуры — компаративисты, унаследованные напрямую из конспирологической культуры сталинской эпохи, и их общая программа по уничтожению России. Фактически перед нами лингвистическая версия «плана Даллеса» (точнее, вариация сюжета оккультной войны), ведь посягательство на русский язык воспринимается как непоправимый ущерб единству России, ее политическому благополучию и национальному самосознанию.

Как и почему именно язык становится столь значимым для постсоветских теорий заговора? Каковы траектории возникновения лингвистической конспирологии на русской почве и как они связаны с тенденциями филологической науки Нового времени? Каковы режимы их восприятия и бытования, когнитивные и социальные функции? Таков круг вопросов, которые так или иначе будут затронуты в этой статье.

ВсеЯСветная Грамота: алфавит, учение, движение

Для постсоветского культурного ландшафта характерна большая популярность националистических идей и нарративов, использующих конспирологические объяснительные модели и предлагающих различные версии «альтернативной истории», в рамках которой особое место занимают представления о языке; такие модели можно обозначить как «криптолингвистические». Термин «криптолингвистика», предложенный В.Н. Базылевым, описывает непрофессиональные суждения о языке, в основе которых лежит представление о присущих ему скрытых смыслах и возможностях[2].

Одним из ярких примеров криптолингвистического учения, вокруг которого сформировался достаточно широкий круг последователей, является *ВсеЯСсветная Грамота* (далее — ВГ). Лидером и основателем движения был Ананий Федорович Абрамов (1938–2019, впоследствии стал использовать двойную фамилию Шубин-Абрамов), который изложил свою доктрину в так называемом «Буковнике»[3] и нескольких десятках «бюллетеней» ВГ, а также создал одноименную общественную организацию.

2. *Базылев В.Н.* Криптолингвистика. М.: Флинта, 2012.

3. Машинописная брошюра, своего рода букварь ВГ, иллюстрированный художницей Н.В. Косыревой.

Общедоступные сведения о ВГ весьма скупы — мы мало знаем и о том, как и когда формировалось движение, и о его вдохновителях. Начало распространения знаний о ВГ ее адепты датируют 1979 г., но эта информация не находит подтверждения в источниках. Первые устные воспоминания относятся к концу 1980-х гг., а регулярные бюллетени — к началу 1990-х гг. Что касается личности самого Шубина-Абрамова, то, согласно представленной на сайте ВГ информации, он является членом многочисленных несуществующих академических институций и тайных правительственных комитетов, а также имеет божественную природу[4]. А.Ф. Шубин-Абрамов называл себя хранителем ВГ, начавшим ее проповедь в связи с глобальным кризисом, который переживает человечество. По утверждению Абрамова, позиционирующего себя в качестве потомка боярского рода Шубиных, он решился обнародовать семейную тайну, которая заключалась в истинном славянском алфавите (связанном и с праязыком всего человечества), впоследствии искаженном и урезанном врагами славян. Согласно учению Шубина-Абрамова, ВГ насчитывает 147 букв («буков»), а ее возраст исчисляется несколькими тысячелетиями.

Начертания ВГ стилизованы под кириллический устав и полуустав, сохранены дореформенные названия части букв. Значительное количество «буков» достигается тем, что ВГ включает модифицированные начертания знаков, а также лигатуры. В том, как вращение «буков» под разными углами также меняет их значения, можно увидеть отсылку к идее «русских рун», тем более что руководства по гаданию на рунах, широко распространенные в начале 1990-х годов, встречаются, например, в журнале «Наука и религия», ставшем площадкой неоязыческой публицистики.

У каждой из 147 букв ВГ есть свой эзотерический смысл, что позволяет прочитать любое слово как аббревиатуру и узнать его «подлинную» этимологию. Знание, заложенное в ВГ, считается

4. «Почетный Академик десяти Академий Міра (в том числе, Сопредседатель Русской и Пушкинской Академий, СоПредстоятель Православной Академии), Народный Академик Шубин-Абрамов Ананий Федорович, от закрытой Школы Учителей Великого Посвящения, Гарантеев Герьвьец Сын Бор(с)ея, Потомственный Хранитель Грамоты Руси ВсеЯСветной» (всеясветнаяграмота.рф). Судя по «Автобиографическим заметкам» самого Шубина-Абрамова (http://www.programotu.ru/file/avtobiograficheskie_zametki_20130322.pdf), он получил техническое образование, работал в ВИНИТИ РАН, а также в московском НИИ по строительству (НИИ-200), увлекался экстрасенсорикой и имел какое-то отношение к деятельности одиозной войсковой части № 10003 Министерства обороны (1989–2003), занимавшейся исследованием «необычных возможностей человека и особых видов вооружений».

последователями учения всеобъемлющим: одна из наиболее распространенных характеристик грамоты — «все обо всем». Для ВГ характерна фоносемантическая модель интерпретации, однако в процесс интенсивной семиотизации здесь вовлекаются и материальные объекты, и человеческое тело. В соответствии с учением ВГ, все «буковы» многомерны и их изображение на плоскости, как и сокращение их количества, неминуемо ведет к потере того эзотерического знания и энергетического потенциала, которые в них заложены. Человеческая история разворачивается как история поэтапного сокращения числа букв, точнее, злонамеренных покушений («вгрызов») на лингвистическую целостность ВГ. В данном случае нарратив о сионистском заговоре окрашен лингвистически — «воровство» «буков» инкриминируется влиятельной этнически маркированной группе, в эмной терминологии обозначаемой как «sиды» или «иуд.деи».

Одним из ключевых аспектов применения «языковой магии» ВГ является телесный: почти всем «буковам» ВГ соответствует «пиитика» движений, предполагающая особое энергетическое взаимодействие человека, принявшего схожую с начертанием определенной буквы позу, с мирозданием. Фактически «Душевно-Плотиевая Гимнастика» вписывает элементы коллективной молитвы во фрейм утренней зарядки. Генеалогию идеи «русской йоги», которая практикуется в рамках ВГ, можно проследить вплоть до XIX в. Так, несколько сочинений П.Д. Успенского, ученика Г.И. Гурджиева, посвящены идее «четвертого измерения» (прежде всего, это одноименная книга, опубликованная в 1909 году[5]), которая находит отклик в представлении об изоморфизме «буков» многомерному физическому миру, не данному в профанном чувственном опыте, но постигаемому развитыми органами «очувствования» в ходе телесных практик, сходных с йогическими. Возможны и параллели с антропософскими практиками эвритмии.

ВГ получает большое распространение в постсоветское время, вокруг нее формируется ряд практик и узнаваемый дискурс. Проводятся съезды сторонников ВГ, организуются лекции и занятия по изучению «Буковника», издается ряд книг, интерпретирующих исторические события и предлагающих этимологии в русле ВГ[6]. Несмотря на то, что большинство представителей родновер-

5. *Успенский П.Д.* Четвертое измерение: Опыт исследования области неизмеримого. СПб.: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910.

6. См., например: *Белякова Н. Е.* Всеясветная грамота. 1000 лет забвения. СПб., 1996.

ческих движений со временем отвергли ВГ[7], ее представленность в соответствующем сегменте интернета свидетельствует о сохранении некоторой популярности учения в 2000-е. В этот период часть активных адептов ВГ сформировала сообщество благодаря регулярным собраниям в музее художника Константина Васильева в Москве, который стал знаковым местом для родноверческого движения.

В 2010-е гг. популярность ВГ несколько снизилась. В сообществах ВГ «ВКонтакте» насчитывается от 7000 до 10 000 участников[8]; при этом съезды ВГ в Костромской области посещают порядка 30–40 человек. В статье используются материалы, собранные на двух из них (в 2017 и в 2019 году). Региональный, возрастной, образовательный и гендерный состав участников неоднороден: наряду с Москвой и Санкт-Петербургом были представлены уральские и сибирские города, а также такие страны, как Литва, Украина и Казахстан. «Экспертные» роли на съездах отводятся женщинам, входившим в близкий круг Абрамова, в основном педагогам из регионов. На съездах проводятся лекции и семинары по ВГ; в последние годы, насколько можно судить, для многих участников это единственная возможность живого общения с другими адептами ВГ, которое в другое время происходит через интернет.

В рамках изучения криптолингвистических представлений и нарративов основное внимание уделяется текстам, а сообщества разделяющих их людей редко становятся предметом исследования, между тем смещение фокуса на сообщество и его практики может быть интересным.

Одно из ранних свидетельств об активности «идеологов» ВГ относится к самому началу 1990-х годов. В книге М.М. Дейча «Коричневые» очерк «Коричневое словоблудие» посвящен «встрече ведущих членов “Российской академии” с общественностью». В описании встречи можно найти многое из того, что характеризует движение ВГ и по сей день: антисемитские и гомофобные взгляды выступавших, «наивное» этимологизирование («Ярославль» от «Я — рос — Авель»), упоминание «пиитики движения». Показательно, что мероприятие объединило, видимо, различных неоязыческих «академиков» (председательствующий

7. Aitamurto, K. (2016) *Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie*, p. 98. New York and London: Routledge.

8. На 2019 год.

объявляет, что «...перед началом выступят представители языческих богов, а потом представители православия»[9]).

Как можно предположить, именно подведению итогов этой «встречи» и был посвящен первый бюллетень ВГ, открывающийся «Постановлением ВсеМирного форума “За единение с целью возрождения права на жизнь разумными”»[10]. «Согласно объявлению председательствующего, главы “Академии”, намедни как раз исполнилось “7500 лет введения на Руси плоскостного письма”»[11]. Несмотря на несоответствия сведений в разных источниках, 7500 год «по всеясветному летоисчислению» приходится на 1991 г. (впрочем, эта дата может варьироваться): бюллетень № 1 указывает на даты проведения форума с 26 августа по 4 сентября 1991 г., а встреча, которую описывает Дейч, во-первых, была посвящена тому же юбилею и, во-вторых, состоялась в начале сентября, когда, по мнению адептов ВГ, следует праздновать Новый год (эти реплики также зафиксированы в очерке Дейча[12]).

Непосредственных указаний на какие-либо связи участников события немного: «О “Российской академии” было известно лишь, что ее основал Илья Глазунов совместно с некоторыми нашими “литераторами”»[13]; кроме того, Дейч, подшучивая над милитаристской риторикой выступавших, добавляет, что здание Центрального Дома Советской Армии (ЦДСА) в Москве было предоставлено для проведения встречи неслучайно и цитирует одного из участников о солнечной частице «ра» и о том, что «недаром так много солнечности в словах “армия”, “генералиссимус”, “генерал”, “маршал”»[14].

Шубин-Абрамов, упомянутый в очерке как «русский академик», будет в дальнейшем представляться «народным академиком», и милитаристские образы тоже отразятся в его «титулах» — «Православный и Военный Академик, Доктор Философии по космобезопасности». Илья Глазунов, будучи знаковой фигурой для русского национализма, зачастую мог способствовать воплощению различных инициатив, подобных описанной встрече, в том числе спонсировать их.

9. Там же. С. 30.
10. Бюллетень ВсеЯСветной Грамоты № 1, 7500 л. [http://xn--80aaafahlboegpvgbrh3sg.xn--p1ai/gramota/bulleteni/, доступ от 10.01.2019].
11. *Дейч М. М.* Коричневые. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. С. 30
12. Там же. С. 31.
13. Там же.
14. Там же. С. 31.

Косвенным импульсом к развитию идей ВГ можно, по-видимому, считать ставшее значимым для последних советских лет празднование тысячелетия крещения Руси, окрашенное, помимо всего прочего, просветительским пафосом — как веха, отмечающая начало использования кириллической письменности. Бюллетени ВГ противопоставляют этой дате более впечатляющую — 7500 лет «введения плоскостного письма», то есть упрощенной передачи многомерных «буков» на плоскости[15], — таким образом, летоисчисление от сотворения мира получает новую (и тоже лингвистическую) интерпретацию.

Семиотика «буковы» ВГ: оберег, логотип, тотем

Начертания большинства буков ВГ иконически отображают их значения (Рис. 1, 2). Иконическая интерпретация алфавита заимствует иллюстративную традицию средневековых фигурных алфавитов, как букварь «Кариона Истомина» и, предположительно, эстетически ориентирована на нее (Рис. 3). Букве «зело» («знак заката без последующего восхода»), единственной из ста сорока семи букв приписана негативная семантика, которая поддерживается символически (всеясветники передают ее при помощи латинской s, иконически репрезентирующей змею, образ которой актуализирует коннотации, связанные с опасностью, губительностью, мерзостью; буква используется, например, при написании слов «sло», «somби», «паразиты», «лесбийство», «sиды», «врasи», «мерsить»). (Рис. 4)

ВГ, по сути, предполагает своего рода «взломанную» семиотическую систему, в рамках которой знак может принадлежать одновременно к трем разным типам пирсовской триады (быть индексом, иконой и символом). Поиск универсального языка производится посредством разрушения конвенциональности знаков. Точнее говоря, символы обнаруживают свою «естественность», метафорическую или метонимическую связь с миром природы, на который распространяется знаковая система «праязыка». Примордиальность азбуки ВГ, таким образом, доказывается ее «природностью», — такую лингвистику можно назвать натурфилософской.

15. См. Бюллетень ВсеяСветной Грамоты № 30, 7504 л. С. 4. [http://xn--80aaafahlboegpvgbrh3sg.xn--p1ai/gramota/bulleteni/, доступ от 10.01.2019].

> Всё вокруг, и черты и резы на березах, и формы чешуек, цветков, и нози насекомых и других живых существ, а также радуга, гало и другие Светотканые образования отображают Буковы, Слоги и даже Слова Общецивилизационной Грамоты [Бюллетень ВГ № 30 от 7504 г., стр. 4]

Можно заметить, что у знаков ВГ весьма ограниченная сфера применения — они используются, главным образом, декоративно-апотропеически. В соответствии с «буковами» рекомендуется организовывать пространство (например, оконные рамы в форме буковы «тау» — своего рода славянский *фен шуй*), они нашиваются на одежду (от стилизованной льняной косоворотки до городской худи), наклеиваются на стекла подержанных «жигулей», глохнущих на разбитых дорогах, которые, по воспоминаниям деревенских жителей, последний раз чинили «при коммунистах». Участники съезда наносят надписи на ВГ на посуду и кухонный инвентарь — за общим столом можно увидеть подписанные таким образом кружки-нержавейки и каны.

Так, в некотором смысле, «буковы» ВГ обозначают сами себя, маркируют своеобразную «корпоративную» принадлежность людей и вещей. Эта визуальная культура отчасти напоминает популярные в 1990-е годы псевдорусские логотипы, выполненные в дореформенной орфографии или «славянской вязью» (Рис. 5).

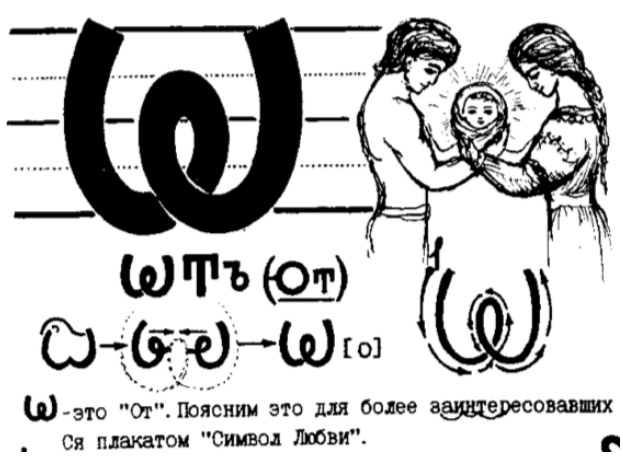

Рис. 1 (см. описание в тексте статьи)

Рис. 2 (см. описание в тексте статьи)

Рис. 3 (см. описание в тексте статьи)

Рис. 4 (см. описание в тексте статьи)

Рис. 5 (фото автора, см. описание в тексте статьи)

ВГ и дискурсивная роль секретности в эзотерике

В условиях дефицита достоверных данных о среде, породившей ВГ, и ее потребителях остается опираться на разного рода дискурсивные улики. Дискурсивный подход, предложенный голландским исследователем западного эзотеризма Кокку фон Штукрадом, может прояснить складывание криптолингвистической культуры, характерной для ВГ. Штукрад дополняет фукианские концепции дискурса и эпистемы постструктуралистскими идея-

ми социологии Бурдье, в частности, понятием «поля»[16]. Предлагая рассматривать дискурсивный поход не как конкретный метод, а как исследовательский стиль или перспективу, ученый определяет его предмет как «взаимоотношения между коммуникативными практиками и (вос)производством систем значения, или порядков знания, вовлеченных в них социальных агентов, правил, ресурсов и материальных условий, которые лежат в основе этих процессов, а также их влияние на социальные группы»[17].

Штукрад применяет этот подход к изучению эзотерической традиции в Западной Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Историческое измерение дискурса представляется ему ключевым — его анализ генеалогически ориентирован и учитывает трансформации социополитических и иных условий и контекстов формирования и развития дискурса. В центре такого исследования оказываются «дискурсивные сообщества», чьи практики рассматриваются как «дискурсивные материализации».

Одним из удачных примеров применения этой теоретической рамки видится предложенный Штукрадом взгляд на характерную для многих эзотерических сообществ дискурсивную функцию *секретности* и ее социальный капитал: «С этой точки зрения, секретность главным образом воздействует на реципиента секрета, а не на того, кто его предположительно хранит»[18]. Это интересная перспектива, переносящая акцент на группу и ее формирование вокруг идеи секретности. В случае ВГ важны коннотации, релевантные для советской культуры, в которой, как кажется, идея государственной тайны, имплицитно пронизывающая все уровни существования общества, способствовала развитию конспирологического воображения. С секретностью были связаны наиболее престижные сферы профессиональной деятельности — военная и научно-техническая. При недостатке точных данных мы, тем не менее, можем предположить именно такой биографический контекст для «ядра» адептов ВГ (см. выше «регалии» Шубина-Абрамова и первые свидетельства о появлении ВГ в публичном пространстве).

16. Stuckrad, K. von. (2010) *Locations of Knowledge in Medieval and early Modern Europe: Esoteric Discourse and Western Identities* (Brill Studies in Intellectual History 186). Leiden & Boston: Brill.

17. Stuckrad K. von. (2013) “Discursive Study of Religion: Approaches, Definitions, Implications”, *Method & Theory in the Study of Religion* 25(1): 15.

18. Stuckrad, K. von. *Locations of Knowledge in Medieval and early Modern Europe: Esoteric Discourse and Western*, p. 113.

Один из участников съезда, в первой же беседе изложивший несколько конспирологических сюжетов, завершил разговор, сказав, что мы уже «узнали слишком много», а для того, чтобы постичь секрет макроэкономического и политического устройства мира (он был адептом так называемой «Концепции Общественной Безопасности»[19]) начинающим потребуется как минимум два года.

Мне представляется, что именно роль «дискурсивной секретности» такого рода трудно переоценить, когда речь идет о процессе трансмиссии идей, нарративов и практик. Здесь можно говорить о когнитивной привлекательности недосказанности, «запускающей» интерпретативное творчество, в котором находят выход симптоматичные для той или иной группы ценности, представления и импликации. Показательной в этом смысле следует считать историю «Велесовой книги», во многом предвосхитившей появление ВГ и послужившей одним из ее прямых источников.

«Велесова книга» как претекст ВсеЯСветной Грамоты

«Велесова книга» (далее — ВК) — одна из самых громких подделок в истории отечественной палеографии, а также чрезвычайно важный текст для неоязычников. Несмотря на однозначный экспертный отзыв, изобличающий подделку[20], в 1970-е наблюдается всплеск интереса к ней в кругах русских националистов[21]. Этот интерес во многом оставался неудовлетворенным — доступ к самому тексту, распространявшемуся нелегально и не в полном объеме, был затруднен, при этом последний ассоциировался с зарубежным (то есть качественным и оппозиционным) содержанием. В официальной печати[22] появлялись лишь упоминания о ВК как о «загадочном» и «таинственном» памятнике, вызы-

19. «Концепция Общественной Безопасности (России)» (КОБ) — конспирологическая и тоталитарная политическая программа движения «Курсом правды и единения». Подробнее см. http://kob.su/.

20. *Жуковская Л.П.* Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.

21. *Митрохин Н.А.* Русская партия: движение русских националистов в СССР: 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 415–416.

22. Прежде всего, в журнале «Техника — молодежи», о значимости которого для советской научно-технической интеллигенции, восприимчивой к эзотерике см.: *Кукулин И.В.* Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 61–85.

вающем споры ученых[23]. При том, что со стороны специалистов реакция была однозначной и научная полемика на тему подлинности ВК не велась, их негативные выводы было легко представить как часть воображаемой научной дискуссии. Устойчивые сравнения нарратива о ВК с историей «Слова о полку Игореве» («кощунственные», по мнению многих представителей академического сообщества[24]) в действительности многое объясняют в успехе ВК.

При этом полный текст ВК стал широко доступен российским читателям в разных формах только в 1990-е гг.: он был опубликован в подробном академическом разборе ВК как фальсификата О.В. Твороговым[25] и одновременно «переведен» на русский язык А.И. Асовым и издан многотысячными тиражами. Причины, породившие такой сильный культурный эффект не от распространения, а даже от факта существования ВК и, возможно, отчасти проясняющие возникновение и популярность ВГ, коренятся в набиравшем в 1970-е гг. силу и популярность русском националистическом движении, имевшем под собой как официальную идеологическую почву, так и обратную, интеллектуально-диссидентскую сторону.

Криптолингвистическая герменевтика, предполагающая этимологизацию любых иностранных слов по созвучию с русскими, восходит к той донаучной стадии развития русской лингвистики, которой наследует, в частности, устойчивое и распространенное представление о деривационном шаге «этруски — это русские»[26]. Примеры ее использования в советском научном дискурсе можно найти в трудах Б.А. Рыбакова, который, например, возводит греческое слово «комедия» к славянскому названию праздника «комоедица»[27].

23. *Скурлатова О.* Загадки «Влесовой книги» // Техника — молодежи. 1979. № 12. С. 55–59. Статья также входит в сборник «Тайны веков» (М., 1983, вып. 3, с. 26–33), ссылку приводит *Творогов О.В.* Что же такое «Влесова книга»? // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб.: «Наука», 2004. С. 47–85.

24. *Творогов О.В.* Влесова книга // Труды Отдела древнерусской литературы. 1990. Т. 43. С. 170–254; *Шнирельман В.А.* Арийский миф в современном мире. М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. Т. 1. С. 150.

25. *Творогов О.В.* Влесова книга.

26. *Богданов К.А.* Русские этруски: протестные этимологии и исторические фантазмы // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательство РХГА, 2013. С. 100–114.

27. *Рыбаков Б.* Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013. С. 109.

Содержание ВК как летописи, фиксировавшей героические победы «русичей» в течение семи тысяч лет, предшествовавших принятию христианства и кириллической письменности, а также некоторые обрядовые предписания, лежит в поле альтернативной истории[28]; этот рецептивный фрейм в случае ВГ подразумевается: основой многотысячелетней национальной истории становится история лингвистическая. Стоит упомянуть, что, по мнению сторонников подлинности ВК, в её судьбе значимую роль сыграла нацистская организация Аненербе, охотившаяся за секретными знаниями, заложенными в «книге», и выкравшая ее во время Второй мировой войны.

За системой письменности, на которой записан «исходный» текст ВК, закрепилось название «велесовица»[29]. Представляя собой заметно искаженную, но хорошо узнаваемую версию кириллицы, «велесовица» является результатом операции, обратной дешифровке неизвестного языка древнего памятника. Лингвистически эффект древности достигается затемнением словоформ и синтаксиса, а также смешением черт, характерных для разных славянских языков (почти всегда в их современном состоянии). Безусловно, лингвистическая креативность создателей ВсеЯСветной Грамоты простирается намного дальше, но тщательная разработка ста сорока семи «буков», правил акцентуации и своеобразной «литературной нормы» отвечает тем же представлениям, согласно которым чем древнее язык, тем непрозрачнее и непонятнее он должен звучать и выглядеть на письме. Этот принцип согласуется и с когнитивными особенностями рецепции сакральных текстов, ритуальная достоверность которых в некоторых случаях соотносится со степенью их семантической «темноты» и даже «пустоты»[30]. В этом смысле ту работу с языком, которую

28. О взаимосвязи «фольк-хистори» и «фольк-лингвистики» (пример русскоязычной адаптации терминов) в рамках альтернативной науки см. *Полиниченко Д.Ю.* Фольк-лингвистика как объект научного изучения // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1, 2009. С. 67–87; *Полиниченко Д.Ю.* Любительская лингвистика: проблемы номинации и определения феномена // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 187–191.

29. См.: Bennett, B.P. (2011) *Religion and Language in Post-Soviet Russia*, pp. 149–150. New York and London: Routledge.

30. Boyer, P. (1990) *Tradition as Truth and Communication: A Cognitive Description of Traditional Discourse,* pp. 79–93. Cambridge University Press.

мы видим на примере текстов ВГ, можно без преувеличения назвать радикальной.

Наконец, не составляет труда отметить многочисленные заимствования из ВК — при этом достаточно распространенные в «культовой среде» постсоветского нью-эйдж, чтобы непосредственное знакомство с оригиналом было необязательным. К ним относится, например, космологическая триада «Правь-Явь-Навь», неизменно присутствующая в самых разных неоязыческих контекстах.

Итак, можно утверждать, что ВГ — это своеобразный «низовой» извод ВК. Недоступность полного текста ВК в позднее советское время приводит к тому, что она становится отчасти «воображаемой», замещается сюжетом о самой себе. Значимо здесь то, что ВГ существует вообще вне какого-либо претендующего на аутентичность текста, на ней написанного. Как и ВК, она призвана продемонстрировать существование докириллической письменности на Руси, однако она дается сама по себе, не в тексте, а в списке. Более того, практикам письма почти не уделяется внимания в рамках сюжета о ВГ — письмо становится скорее привлекательной экзистенциальной метафорой, а его всеобъемлющий и всепроникающий характер манифестирует себя и в явлениях природы, и в человеческой физиологии, и в глобальных космических процессах. В некотором роде оно являет собой идеальную основу мироздания и динамику творения. Такую модель постоянно переходящих друг в друга герменевтики и кодирования можно назвать каббалистической — речь идет, разумеется, не о непосредственной ориентации на каббалистическую традицию, а скорее о судьбе некоторых идей и мировоззренческих систем в истории европейского эзотеризма.

Филология как эзотерическая дисциплина

Задаваясь вопросом о дискурсивной генеалогии ВГ, нельзя не учитывать исторически значимое место эзотерической герменевтики в формировании филологической традиции и взаимовлияния этих форм знания. Привычно рассматривая эзотерическое знание как стигматизированное, важно понимать, что этот статус исторически динамичен. Начиная со средневековой полемики реалистов и номиналистов, научное и мистическое знание зачастую неотделимы друг от друга, позднее — находятся в отношениях взаимовлияния и дискурсивной диффузии. В ренес-

сансный период неоплатонизм и христианский гебраизм сыграли ключевую роль в формировании гуманистического учения[31]. Зарождение филологической критики, в том числе предреформационное (например, у Иоганна Рейхлина) было связано с исследованием переводов, реконструкцией «испорченного» языка, исправлением погрешностей в библейском переводе.

Программу ВГ во многом можно охарактеризовать как филологическую: перед нами одновременно своеобразная версия реконструкции праязыка и критики перевода (например, «старообрядческий» вариант имени «Исус» сочетается с адаптированным «славянским» «Крестье» вместо «Христос»[32]). Впрочем, область внесения «правок» во ВГ гораздо обширнее — от графики и орфографии до фразеологии и культуры речи. Эпитет «грамотный» — один из наиболее частотных в узнаваемом социолекте ВГ и может применяться не только к речи, но и, например, к духовному опыту («Грамотное Восхождение»).

Так сфера прикладной филологии расширяется до космических масштабов, поскольку миропорядок регулируется лингвистически. Закономерным образом правки вносятся и в институциональное общепринятое знание — к «лингвистической» повестке прилагается альтернативная версия истории.

Каббалистическая традиция предполагает онтологизацию букв, которые наделяются мистическими свойствами и мыслятся как основа мироздания. Интерпретация становится актом сотворчества, подразумевает особую космическую комбинаторику и претендует на то, чтобы расшифровать имманентные законы бытия. Усвоение отдельных элементов христианской каббалы позднейшей филологической традицией приводит к существованию особого рода подтекста, лежащего в основе герменевтических практик, трансформации которых вплоть до конца XX в. было бы интересно рассмотреть отдельно.

Проводником «каббалистической духовности» в отечественной культуре стали Владимир Соловьев и некоторые его последователи, чей филосемитизм был скорее исключительным, чем

31. Brach, J.P. (2009) “Mathematical Esotericism: Some Perspectives on Renaissance Arithmology”, in W. Hanegraaff, J. Pijnenburg (eds) *Hermes in the Academy: Ten Years’ Study of Western Esotericism at the University of Amsterdam*, pp. 75–89. Amsterdam University Press; Stuckrad, K. von. *Locations of Knowledge in Medieval and early Modern Europe: Esoteric Discourse and Western Identities*, pp. 89–113.

32. «Посему и ИстьИнная, так сказать, ФаМиЛея Исуса записана в Книге Регистраций ШВП СвятоРусья так: [«Крестье» на ВГ]» [Буковник 48].

типичным явлением в русской религиозной философии. Соловьев указывал на глубинное сходство христианской каббалистической традиции с православием и связывал с их слиянием надежды на будущее русской теократии[33]. Некоторым образом построения Соловьева можно связать с теми процессами, которые происходят в православной теологии начала XX в. Марлен Ларюэль — одна из немногих исследовательниц, обративших специальное внимание на ВГ, — отмечает ее «неосознанную» «каббалистичность», одним из источников которой могла быть практика «имяславия» (ономатодоксии), распространенная на Афоне в начале XX в. и осужденная Синодом в 1913 году[34]. Сходство с Каббалой (в том, как само имя Бога наделяется божественной природой и «реифицируется») здесь следует рассматривать, скорее, как типологическое, генетическим же контекстом были практики исихазма, в частности, повторение «Иисусовой молитвы».

Привлекательность этой практики в низовом религиозном обиходе неоспорима — доказательством служат адаптировавшие их сектантские движения России Нового времени (в частности хлыстовство). Сравнение с ними ВГ и — шире — постсоветских новых религиозных движений (НРД) может иметь смысл в контексте антимодернизационных установок и эсхатолологических чаяний. «Антитехнократический» пафос, центральный для родноверия, связан с постсоветским ресентиментом[35], служащим одним из объединяющих факторов движения с точки зрения его социальных истоков. Низовые религиозные движения России

33. Созданный Соловьевым прецедент интеллектуальной апроприации каббалистической традиции впоследствии не получил прямого продолжения. Как пишет Джудит Корнблатт, «несмотря на частые отсылки к Каббале, наследники Соловьева, в основном, не обладали достаточными познаниями в каббалистических учениях, чтобы отделить Каббалу от дуализма гностицизма и спасти ее от растворения среди других эзотерических систем» (Kornblatt, J.D. (1997) “Russian Religious Thought and the Jewish Kabbala”, in B.G. Rosenthal (ed.) *The Occult in Russian and Soviet Culture*, p. 87. Ithaca & London: Cornell University Press), и «возвращение к оккультному в России сегодня зачастую имеет явно антисоловьевский и антисемитский оттенок» (Ibid., p. 76). См. также: *Бурмистров К.Ю.* Владимир Соловьев и европейский эзотеризм: проблема источников // Соловьевские исследования. Вып. 2(50). С. 47–65.

34. Laruelle, M. (2008) “Alternative Identity, Alternative Religion? Neopaganism and the Aryan Myth in Contemporary Russia”, *Nations and Nationalism* 14(2): 306.

35. *Серио П.* Языкознание ресентимента в Восточной Европе / Пер. с фр. О.Г. Путырской // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 186–199.

Нового времени и постсоветские НРД исследователи сравнивали с карго-культами, вызванными к жизни запоздалым и болезненным процессом модернизации. Показательно при этом, что постсоветские религиозные движения порождают и своего рода «карго-науку»[36], основой которой служат именно герменевтические практики особого типа.

О причинах, обусловивших их актуальность, пишет А.А. Панченко, рассматривая эсхатологию, вслед за литературоведом Фрэнком Кермоудом, как «когнитивный механизм смыслообразования, помещающий индивидуальную жизнь и историю человеческих сообществ в область конечных причин и следствий»[37]. Можно предположить, что этимологическая «одержимость», которую демонстрируют последователи ВГ наряду с адептами других криптолингвистических учений, обеспечивает тот же упорядочивающий эффект противостояния энтропии исторических процессов. Попытка совершить возврат к праязыку в этой логике мыслится как средство «спасения от истории» и высвечивает утопичность лингвистического проекта ВГ.

Интересно, что процитированная статья Панченко посвящена «гипотезе палеоконтакта» в культуре нью-эйдж позднего СССР на примере творчества филолога-слависта Вячеслава Зайцева. Важным представляется замечание о своего рода «кибернетической» герменевтике, равно повлиявшей и на идеи Зайцева, и на «методы реконструкции “моделирующих семиотических систем”», предложенные в первой половине 1960-х В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым»[38]. Кокку фон Штукрад, чей подход к изучению истории эзотеризма был упомянут выше, начинает главу своей книги, посвященную каббалистической традиции, с экскурса в историю научного языка, описывающего явления в области генетики. Стертую метафору «кодирования», закрепившуюся в языке естественных наук, равно как и в кибернетике, исследователь возводит к той самой сфере эзотерико-филологического знания. ДНК осмысляется текстуально — как своего рода божественный код, состоящий из сочетаний четырех «букв». Но для

36. *Панченко А.А.* Двадцатый век: новое религиозное воображение // Новое Литературное Обозрение. 2012. № 117. С. 122–139.

37. *Панченко А.А.* «Эра Водолея» для строителей коммунизма: культура нью-эйджа в позднесоветском обществе и проблема «переломных эпох» // Новое Литературное Обозрение. 2018. № 1(149). С. 300–317.

38. Там же.

Штукрада эта метафорика значима в эпистемологическом контексте, поскольку позволяет наблюдать «обожествление человеческого при помощи буквенных комбинаций» и характерную для европейской культуры текстоцентричность, диктующую стремление сделать космос «читаемым» [39].

Впрочем, обсуждая истоки кибернетической герменевтики, не стоит забывать и об институциональной истории позднесоветской оккультуры: Ш. Остардер и Л. Шредер в своей книге 1970 года, посвященной советской парапсихологии, указывают на то, что многие исследовательские группы были прикреплены к кибернетическим и бионическим лабораториям[40].

Советская экстрасенсорика и проблема медиации

Как уже упоминалось выше, лидер и основоположник ВГ Шубин-Абрамов неоднократно указывал на свою связь с секретными военными проектами, упоминая, в частности, в/ч 10003 и руководившего ею генерала А.Ю. Савина. Работа экстрасенсорной программы министерства обороны охватывает период с конца 1980-х по начало 2000-х годов, совпадая с пиком популярности ВГ. Не останавливаясь на ней подробно, важно отметить ряд существенных отличий от аналогичных американских проектов. В частности, насколько об этом можно судить, она не предполагала экспериментов с психотропными веществами, а также в меньшей степени концентрировалась на «дальновидении». Если верить опубликованным воспоминаниям бывших участников проекта «Stargate», советская экстрасенсорная разведка зачастую предполагала опору на измерения и показатели различных приборов, что американцы склонны объяснять материалистическим характером марксистской идеологии[41]. Вероятно, изучая научную образность поздне- и постсоветской культуры нью-эйдж, и в самом деле стоит иметь в виду специфику советского секулярного проекта.

39. Stuckrad, K. von. *Locations of Knowledge in Medieval and early Modern Europe: Esoteric Discourse and Western Identities,* pp. 89–93.

40. Ostrander S., Schroeder L. (1970) *Psychic Discoveries Behind the Iron Curtain*, p. 143. Englewood Cliffs NJ: Prentice–Hall (Bantam).

41. *Савин А., Ратников Б., Рубель В.* Пси-войны. Запад и Восток. История в свидетельствах очевидцев. Постум, 2016.

Экстрасенсорная программа во многом наследовала раннесоветским экспериментам и, более того, опиралась на «изобретенную» в позднесоветское время философскую традицию «русского космизма», прочитанную через Юнга (генерал Савин в соавторстве с В.И. Антоненко уже в начале 2000-х годов написал сочинение «Основы ноокосмологии»[42]). Во многом именно из этого дискурсивного поля почерпнут специфический социолект ВГ, в котором «Коллективный Дух-Разум» представляет собой гибрид юнгианского «коллективного бессознательного» и ноосферы Вернадского. Интересно, что Савин упоминает В. Соловьева, чья софиология также прочитывается в русле русской религиозной философии, включенной в русский космизм, в том числе и в связи с рецепцией Каббалы:

> Анализ религиозно-философских трудов В.С. Соловьева дает основание считать, что он всецело стоит на почве христианства. Вместе с тем, идея творческого начала мира разрабатывается им в широком духовном контексте платонизма, буддизма, библейских традиций, философских учений Я. Бема, Б. Спинозы, Ф. Шеллинга, мистических учений Баадера, Каббалы с учетом личного мистического опыта[43].

Нарративы об экстрасенсорных экспериментах по сей день составляют значимый ресурс аргументации «экспертов» ВГ. В них материальность мысли находит наглядное выражение и может быть измерена. Говоря о генеалогии ВГ, уместно вспомнить спиритическую традицию, в которой коммуникация с духом зачастую медиировалась графически — при помощи последовательности букв, складывавшейся в сообщение, и телесно — самим медиумом.

Вопрос медиации в этом контексте можно считать особенно болезненным и важным. Проблематизируется и расширительно трактуется само понятие материального — эзотерический неоплатонизм осложняется разделением плотноматериальных объек-

42. *Савин А., Антоненко В.* Основы ноокосмологии, 2013 [http://www.academiya.su/sites/default/files/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%20%D0%9D%D0%BE%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf, доступ от 10.08.2019].

43. Там же. С. 410–411.

тов и тонкоматериальных явлений и процессов[44], что вводит метафизику в сферу физики. Можно предположить, что, в полном соответствии с расхожим афоризмом Маршалла Маклюэна, здесь средства коммуникации определяют ее характер. На мой взгляд, ключом к пониманию того, как работает ВГ, может служить рассмотрение ее медиального статуса как секретного кода для дешифровки мира.

Графические артефакты и бюрократическая каббала

Подход Вебба Кина знаменует поворот к материальности в семиотических исследованиях: «Репрезентации существуют как предметы и действия в мире… Медиум репрезентации не просто нечто, что стоит между вещами, которые он связывает, он сам является полноправной вещью»[45].

Как отмечает антрополог Мэттью Халл, «одно из наиболее плодотворных наблюдений, возникающих из общей реабилитации материальности в социальных и гуманитарных науках, состоит в том, что репрезентации материальны. Антропологи долго рассматривали предметы как знаки, но до недавнего времени игнорировали предметность знаков»[46]. Эта афористичная формулировка довольно точно фиксирует концептуальную инверсию, задуманную Кином. Халл стремится развить идею семиотических идеологий, и, как кажется, находит ей более убедительное эмпирическое приложение. В книге *The Government of Paper*[47], посвященной бюрократическому аппарату городского Пакистана, предметом его исследования оказывается канцелярская материальная инфраструктура.

Вслед за Веббом Кином, предложившим расширить «лингвистические идеологии» до «семиотических», Халл предлагает свои собственные — «графические», формирующие «семиотические функции и недискурсивные способы использования графических артефактов»[48]. В дополнение к медиированию семиозиса, графи-

44. Там же. С. 503.

45. Keane, W. (1997) *Signs of Recognition: Powers and Hazards of Representation in an Indonesian Society*, p. 8. University of California Press.

46. Hull, M.S. (2012) *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan,* p. 13. University of California Press.

47. Ibid.

48. Ibid., p. 14.

ческие артефакты представляют собой предметы, вовлеченные в несемиотические события и происшествия[49].

Халл обращает внимание на процессы реконтекстуализации, одновременно материальные и семиотические[50]. Графические идеологии, как он отмечает, могут также включать более общие представления относительно онтологии и авторитета графических артефактов и их способность репрезентировать или производить истину, смысл и так далее.

Внимание Халла к режимам материального бытования документов позволяет сделать следующих шаг и зафиксировать момент, когда форма отделяется от материального носителя и утверждает собственную материальность сама по себе. «Сила графических артефактов зависит от их места внутри режима авторитетов и аутентификации. Однако фокус на нормативном прилежном следовании правилам или на эстетике формы может привести к пониманию того, что особенности отдельных документов вторичны, даже неважны, по сравнению с их формульными и формальными аспектами»[51].

Форма не существует без материи, материальность предполагает форму. Форма (даже «свободная») довлеет всем бюрократическим жанрам, формульность во многом определяет разворачивание их содержания. В этом можно увидеть неожиданное сходство бюрократии с фольклором.

Для «семиотических идеологий» ВГ характерно такое напряжение между письменным и устным, при котором авторитет и авторитарность письменной культуры накладывает глубокий отпечаток на «лингвистическое» воображение людей. И в самом деле, типичные для *folk linguistics* народно-этимологические трактовки слов, основанные на созвучиях, ВГ дополняет дезаббревиацией как основной герменевтической процедурой. Слова повседневного языка оказываются наделенными вторым — тайным сакральным смыслом, ключ к которому и представляет собой азбука ВГ.

> СПИД — средства пропаганды идеологии дерьмократов (Бюллетень № 18, стр. 3)
>
> Растения — это тени рас, которые при Грамотном развитии восходят на уровень Животных, а затем Людей. Само же слово Тень —

49. Ibid., p. 22.
50. Ibid.
51. Ibid., p. 27.

> [«Тень» на ВГ] — Твердомноженьем имеющая право взойти. (Бюллетень № 28 от 7304 г., стр. 2)
> СНЫТЬ — Словом Земной и Небесной Столпности Сотворенная (№ 15 от 7502 г., стр. 2 (на обороте))
> «Сколь часто интересующиеся Грамотой встречают это выражение [имярек] в заклинаниях и другом, причем есть оно и как личное имя. Напомним, что изначально Слова даже больших текстов писались слитно и каждая БУКова и БуковоСочетание являлись корнями. Посему: [«имярек» на ВГ] — это, например: И меня Рек, Им(!) Я Рек, Им Яр Защиты, Справностью Слова Сею Ауральность, Справным Мышлением — Справным Творением Материи Будущего через НовоСловие для Утверждения Ангельства Будущего и т.п....» (Бюллетень № 17 от 7502 г., стр. 1)
> Хорошо, что ранее планета Земля была менее расчленена. Например, Гомер — это Омир, переведенный на язык общения с Господом, то есть на язык Г(осПодь) Рек, кратко на язык Г(осПодней) Русии, то есть кратко говоря ГРусии (ныне Грузии) (Бюллетень № 20, стр. 2)
> «Еси» — это радиолокатор из прошлого, обобщающий Административно-Командным аппаратом в Настоящее все Лучшее и лелеющий БиоЭнергоПосылом Будущее (Буковник, стр. 34)

«Бюллетени» ВГ тоже содержат обращение к бюрократическим жанрам (в примере ниже оно непосредственно связано с секретностью как социальным капиталом):

> Этой небольшой справкой от ШУВП чуть восстановим в Вашей РодПамяти ИстъОрическую Правду о Детстве Марии — Будущей БогоРодицы. Очень жаль, что пока приходится утаивать точное место рождения Машеньки, чтобы врази не омерзили Его «строительством» на этом Месте какого-либо индустриального чудовища, питейного заведения или туалета, как это уже случалось в поруганном иуд.деями (чаще бабушками-дедушками нынешних дерьмократов) СвятоРусьи. (Бюллетень № 17 от 7502 г., стр. 1).

Характерно, что в некоторых случаях всеобъемлющая аббревиация тяготеет к форме акростиха, объединяющего метафизические трактовки каждой из «буков» в длинные атрибутивные конструкции, зачастую содержащие указание на субъект, объект, цель и способ действия. (Рис. 6)

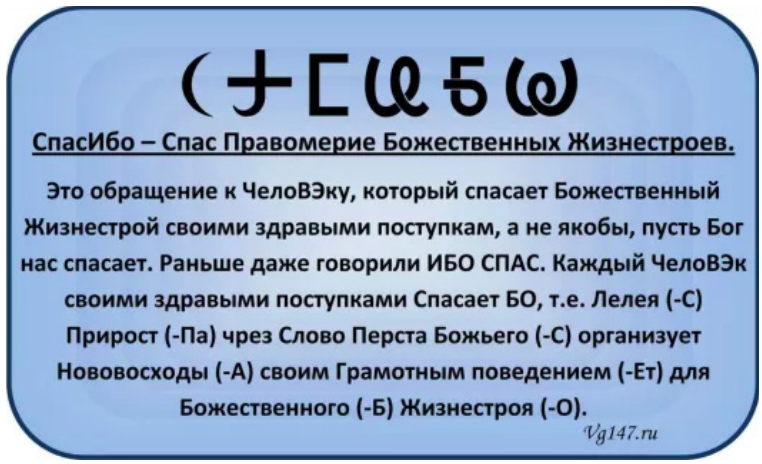

Рис. 6 (см. описание в тексте статьи)

> Письмо на плоскости проецирует процесс материализации, то есть сотворения материи. Мы говорим, помните, слово материально (...), то есть мы с вами волшебствуем[52].

Форма букв ВГ предстает как конституирующая сила вселенского масштаба. Режим общения с космосом, праязык, идеальный язык, язык рая оказывается инспирированным советским канцеляритом.

Словообразовательные модели советского новояза, как известно, на протяжении долгого времени были продуктивным материалом для языковых игр. Но они же породили и своеобразную герменевтику государства, высвечивающую ритуальный характер советского бюрократического социолекта, непрозрачность которого служит его «сакрализации»[53]. Этот эзотерический потенциал канцелярита оказывается востребован постсоветской криптолингвистикой. Весь окружающий мир вовлекается в орбиту славянской космической бюрократии, точнее, происходит ее виртуальная экспансия вселенских масштабов. Советский бюрократический социолект обнаруживает большой потенциал эзотеризации. Он становится зоной креативности — лингвистической и ритуальной.

52. См. видеозапись семинара «Многомерное письмо» [https://vk.com/vgakademiya?z=video-151469882_456239064%2F2eb60e25ac1f114422%2Fpl_wall_-151469882, доступ от 26.08.2019].

53. См. *Богданов К.А.* Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 300–337.

ВГ и геометрия утопии

Мэттью Халл, обращаясь к изучению документооборота и градостроительной документации Исламабада, вспоминает метафору, предложенную Джеймсом Скоттом в его книге *Seeing Like a State*[54]: бюрократия делает общество «читаемым» для государства. (Впрочем, Халл добавляет, что этот процесс предполагает несколько каналов медиации)[55]. Скотт, помимо прочего, пишет и об искусственных лесных насаждениях, и об утопическом городском планировании «высокого модернизма», и о радиально организованной транспортной системе, соединяющей окраины и центр. Именно их визуальная эстетика, четкая геометричность отвечала запросу на рационально организованное, упорядоченное, «читаемое» для государства пространство. Этой же цели служила и стандартизация, обеспечивающая преодоление лингвистической непроницаемости территорий, населенных носителями диалектов[56].

Как уже упоминалось выше, ВГ предлагает свою собственную норму литературного языка, соблюдение которой довольно жестко контролируется в повседневной речи. «Грамотная» речь в версии ВГ не только освобождена от лексем, опознаваемых как относительно современные (постсоветские заимствования — в основном англицизмы), но и в некоторых случаях предполагает отказ от конвенционального словоупотребления в пользу иных вариантов. Так, особенное внимание привлекают возвратные глаголы (действие по которым трактуется как направленное на себя, например, «Я пытаюсь...» — «Не надо пытать себя!»), а также отрицательные частицы. Произносящий местоимение «что-нибудь», согласно «всеясветной» логике словоупотребления, желает предмету «не быть» (вместо этого следует говорить «что-либо», то есть «что любо»), а вежливое удивление «Ничего себе!» немедленно вызывает ответный хор голосов, с мягким укором поправляющий: «Всё тебе!». Разговорное эмфатическое словоупотребление «ужасно (нравится)» тоже вызывает нарекания и прочитывается как оксюморон. Похоже, что все эти случаи объединяет стремление к буквализации, разрушение метафоричности и идиоматичности, присущих языку.

54. Scott, J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press.

55. Hull, M.S. *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*, pp. 155–156.

56. Scott, J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, pp. 9–82.

Такое языковое модерирование — хоть и доброжелательное, но безапелляционное — представляется одной из самых распространенных практик не только среди всеясветников, но и в культуре нью-эйдж в целом. Она отчасти укоренена в популярной психологии, проводящей связь между мыслями и словами и их телесными «материализациями». С другой стороны, в числе ее предпосылок стоит вспомнить высокий социальный престиж грамотной речи в советское время. Но всеясветники осуществляют альтернативную кодификацию и предлагают альтернативную литературную норму, демонстрируя в этом смысле по-настоящему имперские амбиции. Одно из занятий на съезде было посвящено многомерному письму; в ходе него участники записывали с доски названия малых народов России на ВГ (в перечень входили, в числе прочих, например, «пеласги»)[57]. Эти действия расценивались как занятия практической магией с целью помочь представителям этих народов. Закончилось занятие чтением стихотворения, прославляющего Владимира Путина (фамилия президента послужила источником образа слагающего «небесные пути» и ищущего «пути спасения Земли»).

Классификаторский энтузиазм, который нетрудно заметить в старых бюллетенях ВГ, определенно, неотделим от ее визуальной культуры. Неслучайно адепты учения сравнивают Грамоту с таблицей Менделеева — ее элементы обозначены буквами и их сочетаниями, а всеясветные «буковы» в свою очередь сами оказываются первоэлементами. Таблица Менделеева в этом контексте оказывается и символом научного (и при этом интуитивно-экстрасенсорного) знания, и его «иконой». Мироздание и человек приводятся в соответствие лингвистической геометрии (во многом так же, как в ренессансной каббалистической традиции) по утопической модели авторитарной социальной инженерии — стандартизации и классификации. И в этом смысле за кажущимся усложнением реальности, ощущение которого сопровождает знакомство с ВГ, стоит упрощение.

Относительно недавняя история знает многочисленные примеры кириллизации письменности неславянских и нехристианских народов как инструмента советской колониальной политики. Изобретенный алфавит как способ преображения мира заимствован альтернативной наукой в том числе и из авторитарной национальной политики.

57. Семинар «МногоМерное письмо» [https://vk.com/vgakademiya?z=video-151469882_456239064%2F2eb60e25ac1f114422%2Fpl_wall_-151469882, доступ от 1.09.2019].

Заключение

Рассуждая о трансформации статуса стигматизированного знания в современной американской культуре, Майкл Баркун отмечает размывание границ между ним и информационным мейнстримом, связанное, помимо прочего, с появлением и распространением интернета[58]. Характер медийного контекста представляется в данном случае ключевым фактором. Применительно к поздне- и постсоветскому периоду противопоставление стигматизированного знания и массовой культуры зачастую кажется контринтуитивным. С момента ослабления институционального контроля над содержанием печатной продукции и практиками неформального распространения информации эта оппозиция — по крайней мере, на некоторое время — стала нерелевантной, и высокий спрос на знание, транслируемое печатными источниками, был порожден, скорее, уже существующим доверием к их авторитету и некритичным присвоением. И если об изданиях, подобных «Науке и религии» или издательствах вроде «Молодой гвардии» можно сказать, что они контролировались конкретными сообществами или субкультурами, то их многочисленную аудиторию по большей части объединяли не принадлежность к определенным группам, а привычные способы потребления информации. Так стигматизированное знание стало массовым по меньшей мере за десятилетие до широкого распространения интернета, и прошедшее с тех пор время характеризуется обратными процессами — маргинализацией и более четким обособлением сообществ носителей подобного типа знания. По крайней мере, кажется, что именно так обстоит дело с неоязычеством и более широким кругом явлений в рамках постсоветского нью-эйдж.

Таким образом, «ВсеЯСвятная грамота» — казалось бы, довольно маргинальная доктрина, одержимая фобией западного мира — может быть вписана в одну из самых масштабных и значимых культурных тенденций для европейской культуры в целом: речь идет о том, что Умберто Эко назвал «поисками совершенного языка»[59]. В этой же парадигме можно рассматривать сравнительно-историческое языкознание, занятое поисками праязыка. В то время как «Велесова книга» все-таки оставалась во многом «элитарным» знанием в среде

58. Barkun, M. (2016) “Conspiracy theories as stigmatized knowledge”, *Diogenes* October: 1–7.

59. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007.

позднего советского национализма, «ВсеЯСвятная грамота» и профанирует, и эзотеризирует, и радикализирует его в одно и то же время. Даже В.А. Чудинов, почетный академик РАЕН и один из самых известных российских «лингвофриков», отзывается о ней в лучшем случае снисходительно, изобличая невежество ее создателей[60].

И автор скандальной статьи в «Литературной газете», и академики РАН, составляющие по поводу его статьи возмущенное письмо, могут быть равно привержены лингвистическому национализму (см. статью А.В. Павловой и М.В. Безродного о подтекстах российской «лингвокультурологии»[61]). При этом проявления этого лингвистического национализма могут сильно отличаться, поскольку сюжеты, лежащие в их основе, носят экстралингвистический характер.

О непосредственной ориентации на Каббалу в массовой культуре поздне- и постсоветского нью-эйджа вряд ли может идти речь — важно при этом отметить возрождение и распространение сложившегося еще в эпоху Серебряного века в русле сюжета о сионистском заговоре образа Каббалы как влиятельного референта в религиозно-политическом воображении (в основном в среде православных националистов)[62]. Вместе с тем можно говорить о своеобразном русском изводе «низовой филологии», вобравшем общеевропейский лингвистический национализм. Рассматривая ту конфигурацию национализма и сравнительно-исторического языкознания, развитие которой в XIX веке сформировало представление о провиденциальной роли арийцев в истории человечества, Морис Олендер прослеживает философско-научную традицию противопоставления христианско-европейского мира семитскому, основанную на ориенталистской оппозиции прогресса и статики[63]. Восточноевропейский национализм, адаптируя эти идеи, меняет члены оппозиции местами: место сакральной, статичной традиции занимает русская (славянская), а искажающий эффект модернизации исходит от западной (еврейской) культуры. Подобные инверсии в генеалогии современного нью-эйджа наблюдаются постоянно,

60. См. «ответы» В.А. Чудинова о ВГ на сайте Института древнеславянской письменности и древнеевразийской цивилизации http://www.runitsa.ru/publications/466#37837.

61. *Павлова А.В., Безродный М.В.* Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 11–20.

62. Bennett, B.P. (2011) *Religion and Language in Post-Soviet Russia*, pp. 139–141. New York and London: Routledge.

63. Olender, M. (1992) *The Languages of Paradise: Race, Religion, and Philology in the Nineteenth Century*. Harvard University Press.

и многочисленные примеры де- и реконтекстуализации убеждают в жизнеспособности мелких единиц трансмиссии.

Существенная часть упомянутых изысканий уже в XX веке разворачивается именно вокруг происхождения алфавита, возведения его знаков к предположительным исходным криптограммам и восстановления его географической и культурной траектории[64]. Алфавит представляется своеобразным носителем культурной информации в предельно сжатом виде (почти геномом культуры), за первенство обладания которым ведется борьба. Случай «ВсеЯСвятной Грамоты» как пример низовой нью-эйдж субкультуры позволяет увидеть, как эзотерический дискурс трансформируется в столкновении с вернакулярными практиками и какую роль в этом процессе играет медиация.

Как можно было видеть, знаки ВГ, с одной стороны, гиперсемиотичны, а с другой — несемиотичны. Им присуща материальность не вполне уловимой природы: с одной стороны, их постулируемая многомерность делает их в полной мере доступными лишь для экстрасенсорного восприятия (теми самыми «органами очувствования»), с другой — они становятся визуальными медиаторами такого типа, при котором семиотические отношения заменяются миметическими.

Майкл Тауссиг предлагает рассматривать фетишизацию государства по аналогии с дюркгеймианским пониманием тотемизма. Поскольку сакральность тотемного изображения выше, чем сакральность самого тотема, мы можем наблюдать отслоение означаемого от означающего и создание новой «архитектуры» знака, в которой репрезентация наделена не только властью репрезентируемого, но и властью над ним[65]. Эта параллель позволяет Тауссигу рассуждать о подмене сакрального секретным, на которой строится «фетишизация» государства. Можно предположить, что и буквы ВГ выступают своего рода тотемными изображениями, и в таком случае кажется привлекательным стремление Халла отказаться от «наивного постсемиотического подхода» и рассматривать бюрократию как независимый политический актор[66]. В таком случае пример ВГ позволяет увидеть в буквальном смысле *буквализацию* власти языка.

64. Drucker, J. (1995). *The Alphabetic Labyrinth: The Letters in History and Imagination*, pp. 286–306. London: Thames and Hudson.

65. Taussig, M. (1993) “Maleficium: State Fetishism”, in E. Apter, W. Pietz (eds) *Fetishism as Cultural Discourse*, pp. 235–236. Ithaca: Cornell University Press.

66. Hull, M.S. *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*, p. 5.

Библиография / References

Базылев В.Н. Криптолингвистика. М.: Флинта, 2012.

Белов А.К. Славяно-горицкая борьба: Изначалие. М.: Оздоровит. и науч.-информ. центр «Здоровье народа», 1992.

Белякова Н.Е. Всеясветная грамота. 1000 лет забвения. СПб., 1996.

Богданов К.А. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 300–337.

Богданов К.А. Русские этруски: протестные этимологии и исторические фантазмы // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательство РХГА, 2013. С. 100–114.

Бурмистров К.Ю. Владимир Соловьев и европейский эзотеризм: проблема источников // Соловьевские исследования. Вып. 2(50). С. 47–65.

Дейч М. Коричневые. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003.

Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.

Кукулин И.В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 61–85.

Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР: 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 11–20.

Панин С.А. Философия эзотеризма. Эзотеризм как предмет исторической и философской рефлексии. М.: Новое Литературное Обозрение, 2019.

Панченко А.А. Двадцатый век: новое религиозное воображение // Новое Литературное Обозрение. 2012. № 117. С. 122–139.

Панченко А.А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма: культура нью-эйджа в позднесоветском обществе и проблема «переломных эпох» // Новое Литературное Обозрение. 2018. № 1(149). С. 300–317.

Писанов В. «Мина, заложенная Максом Фасмером» // «Литературная газета», № 12 (6636), 12.03.2018 [электронная версия — http://www.lgz.ru/article/-12-6636-21-03-2018/mina-zalozhennaya-maksom-fasmerom/, доступ от 10.01.2019].

Полиниченко Д. Фольк-лингвистика как объект научного изучения // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1, 2009. С. 67–87.

Полиниченко Д. Любительская лингвистика: проблемы номинации и определения феномена // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2.

Прибыловский В., *Верховский А., Михайловская Е.* Национализм и ксенофобия в российском обществе. Панорама (РУ), 1998.

Рыбаков Б. Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013.

Савин А., Ратников Б., Рубель В. Пси-войны. Запад и Восток. История в свидетельствах очевидцев. Постум, 2016.

Серио П. Языкознание ресентимента в Восточной Европе / Пер. с фр. О.Г. Путырской // Политическая лингвистика. 2012, № 3. С. 186–199.

Творогов О.В. Влесова книга // Труды Отдела древнерусской литературы. 1990. Т. 43. С. 170–254.

Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997.

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. в 2-х т. М. 2006.

Успенский П.Д. Четвертое измерение: Опыт исследования области неизмеримого. СПб.: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1–2. М.: Новое Литературное Обозрение, 2015.

Шубин-Абрамов А.Ф. Буковник Всеясветной Грамоты. М.,1996

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия. 2007.

Aitamurto, K. (2016) *Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie*. New York and London: Routledge.

Barkun, M. (2016) "Conspiracy theories as stigmatized knowledge", *Diogenes* October: 1–7.

Bazilev V. N. (2012) *Kriptolingvistika* [Cryptolinguistics]. Flint.

Belyakova N.E. (1996) *VseIAsvetlnaia Gramota. 1000 let zabveniia* [The WorldWide Alphabet. 1,000 years of oblivion]. St. Petersburg.

Bennett, B.P. (2011) *Religion and Language in Post-Soviet Russia*. New York and London: Routledge.

Bogdanov, K.A. (2008) "Ritorika rituala. Sovetskii sotsiolekt v etnolingvisticheskom osveshchenii" [Rhetoric of the ritual. Soviet sociolect in ethnolinguistic coverage]. *Antropologicheskii forum*, 8.

Bogdanov, K.A. (2013) "Russkie etruski: protestnye etimologii i istoricheskie fantazmy" [Russian Etruscans: Protest etymologies and historical fantasies], in *Mezhetnicheskie i mezhkonfessional'nye sviazi v russkoi literature i fol'klore*. SPb.: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Izdatel'stvo RKhGA.

Boyer, P. (1990) *Tradition as Truth and Communication: A Cognitive Description of Traditional Discourse*. Cambridge University Press.

Brach, J.P. (2009) "Mathematical esotericism: some perspectives on Renaissance arithmology", in W. Hanegraaff, J. Pijnenburg (eds) *Hermes in the Academy: Ten Years' Study of Western Esotericism at the University of Amsterdam*, pp. 75–89. Amsterdam University Press.

Burmistrov, K.Iu. (2016) "Vladimir Solov'ev i evropeiskii ezoterizm: problema" istochnikov [Vladimir Solovyov and European esoterism: the problem of sources], *Solov'iovskie issledovaniia* 2(50).

Dejch, M. (2003) *Korichnevye* [The Browns]. TERRA-Knizhnyjklub.

Drucker, J. (1995) *The Alphabetic Labyrinth: The Letters in History and Imagination*. London: Thames and Hudson

Hull, M.S. (2012) *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*. University of California Press.

Keane, W. (1997) *Signs of Recognition: Powers and Hazards of Representation in an Indonesian Society*. Univ of California Press.

Kornblatt, J.D. (1997) "Russian Religious Thought and the Jewish Kabbala", in B.G. Rosenthal (ed.) *The Occult in Russian and Soviet Culture*, pp. 75–94. Ithaca &London: Cornell Univ. Press.

Laruelle, M. (2008) "Alternative Identity, Alternative Religion? Neopaganism and the Aryan Myth in Contemporary Russia", *Nations and Nationalism* 14(2): 283–301.

Mitrokhin, N.A. (2003) *Russkaia partiia: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR: 1953–1985 gody*. [Russian Party: Movement of Russian Nationalists in the USSR: 1953–1985]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Olender, M. (1992) *The Languages of Paradise: Race, Religion, and Philology in the Nineteenth Century*. Harvard University Press.

Ostrander, S., Schroeder, L. (1970) *Psychic Discoveries Behind the Iron Curtain*. Englewood Cliffs NJ: Prentice-Hall (Bantam).

Panchenko, A.A. (2012) "Dvadtsatyi vek: novoe religioznoe voobrazhenie" [The twentieth century: a new religious imagination], *Novoe Literaturnoe Obozrenie* 117.

Panchenko, A.A. (2018) "«Era Vodoleia» dlia stroitelei kommunizma: kul'tura n'iu-eidzha v pozdnesovetskom obshchestve i problema «perelomnykh epokh»" ["The Age of Aquarius" for the builders of communism: the culture of New Age in the late Soviet society and the problem of "breakthrough epochs"], *Novoe Literaturnoe Obozrenie* 1(149).

Pavlova, A.V., Bezrodnyi M.V. (2011) "Khitrushki i edinorog: iz istorii lingvonartsissizma" [Hitrushki and Unicorn: from the History of Linguonarcissism] *Politicheskaia lingvistika* 4(38).

Pisanov, V. (2018) "Mina, zalozhennaia Maksom Fasmerom" [The mine laid by Max Vasmer], *Literaturnaia gazeta* 12 (6636). 12.03.2018 [http://www.lgz.ru/article/-12-6636-21-03-2018/mina-zalozhennaya-maksom-fasmerom/, accessed on 10.01.2019].

Rybakov, B.A. (1981) *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the Ancient Slavs], M: Nauka.

Savin, A., Antonenko, V. (2013) *Osnovy nookosmologii* [The fundamentals of Noocosmology].

Savin, A., Ratnikov, B., Rubel, C. (2016) *Psi-voiny. Zapad i Vostok. Istoriia v svidetel'stvakh ochevidtsev* [Psi wars. West and East. The story is in the eyewitness accounts]. Postum.

Scott, J.C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press.

Serio, P. (2012) "Iazykoznanie resentimenta v Vostochnoi Evrope", [Linguistics of resentiment in Eastern Europe], *Politicheskaia lingvistika* 3.

Shnirelman, V.A. (2015) *Ariiskii mif v sovremennom mire* [Arian myth in the modern world]. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, T. 1.

Stuckrad, K. von. (2013) "Discursive Study of Religion: Approaches, Definitions, Implications", *Method & Theory in the Study of Religion* 25(1): 5–25.

Stuckrad, K. von. (2010) *Locations of Knowledge in Medieval and early Modern Europe: Esoteric Discourse and Western Identities* (Brill Studies in Intellectual History 186). Leiden & Boston: Brill.

Taussig, M. (1993) "Maleficium: State Fetishism", in E. Apter, W. Pietz (eds) *Fetishism as Cultural Discourse*, pp. 217–247. Ithaca: Cornell University Press.

Tvorogov, O.V. (1990) "Vlesova kniga" [The Book of Vles], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* T. 43.

Uspenskii, P.D. (1910) *Chetvertoe izmerenie: Obzor glavneishikh teorii i popytok issledovaniia oblasti neizmerimogo* [Fourth Dimension: Experience of research in the field of the immeasurable]. St. Petersburg: tipografiia. Spb. tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud».

Zhukovskaya, L.P. (1960) "Poddel'naia dokirillicheskaia rukopis': (K voprosu o metode opredeleniia poddelok)" [A fake pre-Cyrillic manuscript: (To the question of the method of determining fakes)], *Voprosy iazykoznaniia* 2.